

civic engagement, Buketov leaves a legacy that serves as a model for interdisciplinary scholarship and public intellectual responsibility.

In essence, the study of E.A. Buketov's creative legacy underscores the enduring potential of literature and translation to foster cultural awareness, ethical reflection, and intellectual growth. His life and work exemplify how a scholar can simultaneously advance scientific knowledge, enrich literary culture, and contribute meaningfully to society, making his contributions both historically significant and practically relevant for future generations [1–11].

E.A. Buketov was not only a translator of literary works but also an active critic of others' translation practices. In 1953, he published an article titled «*On Shoddy Translation and Undiscerning Publishers*» in the newspaper *Leninskaya Smena*, in which he strongly condemned the superficial interpretation of original texts as well as the irresponsible treatment of artistic style [7].

In *Moskovskaya Pravda*, he published another article analyzing the translation of Mayakovsky's poems into Kazakh. In it, he pointed out that many translators either failed to preserve the rhythm and power of the original poetry or overly simplified its artistic imagery. His position received wide support: on April 6 of the same year, the newspaper *Pravda* published a positive response to the academician's article, recognizing it as an important contribution to upholding translation standards.

In one of his articles, Buketov also analyzed a translation of Mayakovsky's poems, specifically examining a passage in which the rhyme and semantic weight of the original text were distorted in translation. «*Following Mayakovsky, it was necessary to keep the word «publicistics» in place – and then... «to find a rhyme for it at any cost.»*

In addition to critiquing poetry translations, E.A. Buketov also addressed the shortcomings of prose translations, including that of G. Musrepov's novel *The Awakened Land*, which, in his view, lost «the artistic beauty and essence of the original.» [9].

E.A. Buketov's work in the field of literary translation occupies a special place in the history of Kazakh literature. His work with the poetic texts of S. Yesenin, V. Mayakovsky, and other literary classics clearly shows that translation, for him, was not merely a linguistic exercise but a creative act requiring careful attention to rhythm, intonation, meaning, and the emotional dimension of the original.

Buketov also had a deep understanding of the specificity of poetic translation and the fact that it is fundamentally different from prose – in poetry, it is essential to preserve not only the meaning but also the aesthetic integrity of the original. For this reason, the academician strived for harmony between form and content.

Moreover, E.A. Buketov actively engaged as a critic, pointing out the weaknesses in others' translations and setting high standards for their accuracy. His legacy in this field includes not only his own translations but also a holistic vision of translation practice as a cultural mission – one that connects different literary traditions and enriches national literature.

References

- 1 Buketov E.A. *Izbrannyye perevody*. – Alma-Ata: Zhazushy, 1985. – 320 p.
- 2 Buketov E.A. *Literary-Critical Articles*. – Alma-Ata: Kazakhstan, 1982. – 256 p.
- 3 Ivanov P.P. *Translation and Society: Cultural Aspects*. – Moscow: Nauka, 2010. – 198 p.
- 4 Smith J. *Translation and Society*. – London: Routledge, 2015. – 220 p.
- 5 Abdрахманова Л.К. *E.A. Buketov and Humanitarian Thought in Kazakhstan*. – Karaganda: KSU, 2020. – 180 p.
- 6 Nurgaliyev T.M. *Soviet Writers and Intellectual Life in Kazakhstan*. – Almaty: Kazakh University Press, 2012. – 240 p.
- 7 Zhaksylykova A.K. *Translation Theory and Practice in Kazakhstan: Historical Perspectives*. – Astana: Nur-Sultan University Press, 2018. – 210 p.
- 8 Mukhamedzhanova S.T. *Cultural Modernization and Literature in Soviet Kazakhstan*. – Almaty: Kazakh Literature, 2016. – 195 p.
- 9 Omarova G.K. *Interdisciplinary Education in Kazakhstan: Historical Analysis*. – Karaganda: KSU, 2019. – 172 p.
- 10 Sadykov R.A. *Contemporary Translation Studies in Kazakhstan*. – Astana: Baiterek Press, 2021. – 205 p.
- 11 Temirbayeva A.Z. *The Role of Translators in National Cultural Identity Formation*. – Almaty: Kazakh University Press, 2022. – 190 p.

УДК 338.242.2(574.42)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ МОНОГОРОДОВ КАРАГАНДИНСКОГО РЕГИОНА В ПЕРИОД СУВЕРЕНИТЕТА: РЕАЛИЗАЦИЯ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОГРАММНЫХ ИНИЦИАТИВ

Козина В.В., Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганды, Казахстан
Кентбек С.К., Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганды, Казахстан

Актуальность изучения развития моногородов и их государственной поддержки обусловлена их стратегическим значением в осуществлении государственной региональной политики. В Карагандинском регионе они играют ключевую роль в экономике, обеспечивая занятость населения, развитие инфраструктуры и т.д. Вместе с тем, многие из них сталкиваются с проблемами, которые были обусловлены специфическими особенностями развития региона в советский период.

Городские поселения в регионе возникали, как правило, у месторождений полезных ископаемых, около строящихся заводов, электростанций или при крупных станциях только что построенных железных дорог. Так, г. Шахтинск возник благодаря немалым запасам коксующихся углей. Даже в благополучные годы здесь нелегко было найти работу женщине. Поэтому Шахтинский завод синтетических моющих средств был построен вдали от сырьевой базы только для того, чтобы обеспечить рабочими местами жён горняков. Город Абай возник в связи с освоением Шерубай-Нурунского угольного района, и его развитие и перспективы были predeterminedены добычей топлива, трудом шахтёров. Город Сарань возник вблизи Саранского месторождения угля, г. Темиртау – обязан своим рождением Карагандинскому металлургическому комбинату.

Промышленная городская агломерация Карагандинской области представляла собой крупный промышленный район всесоюзного значения. Вплоть до начала 1970-х годов население городов региона формировалось в основном за счёт механического прироста. Карагандинская область отличалась самыми большими масштабами миграции. Так, в 1980-1984 г.г. на неё приходилось 25,7% всей валовой величины миграции. [1] Индустриальная специфика региона определила и его наиболее урбанизированный характер: 78%- являлось жителями городов в 1939 г.; 80,8% в- 1959 г.; 82,5 % -в 1970 г., 82,9 % - в 1979 г., 83,2 % в 1989 г. [2] Процессы урбанизации усиливались в связи с большим оттоком жителей из сёл в города. За межпереписной период 1979- 1989 гг. из сёл в города выехало 20,3 % населения. Темпы оттока составили 13, 3 %. [3]

В советское время вокруг г. Караганды сформировалась самая крупная город Сарань, ранее считавшийся моноградом, по состоянию на 2024 год исключён из перечня в связи с диверсификацией экономической агломерация Казахстана, включившая в себя 10 городов – спутников, не считая многочисленных посёлков городского типа: Карабас, Актас, Новодолинский, Шахан и др., а такие города как Караганда, Темиртау, Балхаш, Сарань, Шахтинск по переписи 1989 г. вошли в число городов Казахстана с численностью населения более 50 тыс. человек. [4]

После развала СССР дальнейшее развитие региона стало проходить под влиянием экономических преобразований, связанных с переходом к рыночным отношениям. Уже на первом этапе разгосударствления начался спад производства. Многие градообразующие предприятия, оказавшись неплатежеспособными, были закрыты и города оказались брошены на произвол судьбы. Более половины трудоспособного населения стали безработными. [5] Люди стали покидать обжитые места и начались процессы дезурбанизации. Так, численность населения г.Сарани согласно переписи населения 1999 г. сократилось на 26 066 чел., или на 33,3%; г. Шахтинска - на 30 730 чел., или на 31,6%; г. Абая - на 21 603 чел., или на 24,9%; г. Каражала - на 10 246 чел., или на 31,2%; г. Темиртау - на 43 070 чел., или на 20,2%. [6] Три города Центрального Казахстана – Сарань, Абай, Шахтинск, обрели статус депрессивных. [7]

Рассмотрим динамику численности населения в моногородах Карагандинской области за годы суверенитета.

Как видно из таблицы, в городе Темиртау численность населения увеличивалась до 2015 года. Это было связано с развитием металлургической промышленности и высоким уровнем занятости населения. Статистика 2015 года показала резкое снижение этого показателя с дальнейшей тенденцией отрицательной динамики: в 2015 г.- 210 590 чел.; 2021 г. – 177120 чел.; в 2024 г.- 176 709 чел. [8-11]

Таблица. Динамика численности населения в моногородах Карагандинской области (1989-2024 гг.)

Город	1989	1999	2005	2015	2021	2024
Темиртау	170 481	175 000	182 345	210 590	177 120	176 709
Балхаш	81 000	82 000	78 000	77 500	77 800	77 712
Шахтинск	47 365	36 000	22 000	19 294	18 700	37 645
Абай	46 533	38 000	28 100	28 300	28 400	28 360
Сарань	52 017	46 957	46 100	46200	46 232	46 800

Это обусловлено целым рядом факторов. Главную роль играет миграционный отток населения в Караганду, Астану и другие города, так как инфраструктура города, социальные возможности и др, по сравнению с крупными городами, ограничены из-за полной зависимости города от металлургического комбината. Переезду людей способствуют неблагоприятная экология, загрязнение атмосферы, что также является препятствием для притока новых жителей. И, наконец, естественная убыль населения, обусловленная снижением рождаемости и старением населения.

В городе Балхаш наблюдается постепенное сокращение численности населения, начиная с 1999 года: в 1999 г. – 82 000 чел.; 2005 г. 78 000; 2015 г.- 77 500 чел.; 2021 г. – 77 500 чел.; 2024 г. – 77 712 чел. [9-11] Как видим, в отличие от Темиртау снижение численности идет постепенно, сохраняя тенденцию медленного снижения. Причины аналогичные: миграционный отток населения, особенно молодежи в связи нестабильной работой медеплавильного завода; снижение качества жизни из-за неблагоприятной экологической ситуации (высокое загрязнение воздуха и деградация экосистемы озера); снижением естественного прироста (низкая рождаемость, старение населения).

Наибольшую убыль численности населения демонстрирует город Шахтинск. Так, за период с 1989 по 2021 гг. произошло резкое снижение с 47 365 чел до 18 700 чел. Это было связано с закрытием шахт, безработицей и массовым оттоком населения в Караганду, другие города Казахстана и за рубеж. В последние годы отмечается рост населения: в 2024 г. – до 37645 чел. Это можно объяснить пересмотром статистических данных в связи с изменениями административного учёта или миграционными процессами в ходе реализации государственных программ по поддержке моногородов. Вместе с тем, демографическая ситуация в городе остается неблагоприятной

и характеризуется высокой миграционной убылью и отрицательным естественным приростом. До сих пор городу не удалось диверсифицировать экономику и он остается зависимым от угольной промышленности. [9-11]

В городе Абай численность населения за годы суверенитета сократилась почти в два раза: с 46533 до 28360 человек. Как и в других моногородах основные причины: закрытие шахт, массовая безработица, массовый отток трудоспособного населения из города, отрицательные показатели рождаемости и смертности, старение населения. [9-11]

Численность населения города Сарани снижалась вплоть до 2000 года. Причины те же, что и в других моногородах: закрытие шахт, отток населения и т.д. Сокращение численности населения замедлилось в начале нового тысячелетия, но уже в 2015 г. зафиксирован рост этого показателя, по сравнению с предыдущими данными на 100 человек. Перепись населения 2021 г. зафиксировала численность населения в этом городе на уровне 46 232 человек. К 2024 году вновь небольшой рост – до 46 800 человек. Это явилось результатом удачной реализации государственных программ по развитию моногородов и притоком трудовых ресурсов. Ныне город исключен из перечня моногородов. Остальные города Карагандинской области сохраняют статус моногородов. [9-11]

Все годы независимости промышленные города испытывают проблемы, связанные с экономической зависимостью от одного предприятия или отрасли. Это делает их уязвимыми к промышленным спадам, экономическим колебаниям и структурным изменениям.

До начала 2000-х годов в Казахстане не существовало отдельной государственной программы, специально ориентированной на малые города, не говоря уже о моногородах.

Здесь необходимо отдельно остановиться на путанице со статусами «малый город» и «моногород». Она возникает потому, что при их классификации применены разные критерии – демографический и экономический. Официально малые города в Казахстане – это города, численность населения которых составляет менее 50 тыс. человек. Моногорода – экономическая категория, то есть не по численности населения, а по зависимости городов от градообразующего предприятия или отрасли.

Трудность для исследователей состоит в том, что в официальных документах они часто пересекаются. Особенно это ярко видно на примере Карагандинской области. Так, малые города региона Сарань, Шахтинск, Абай, Каражал являлись одновременно и моногородами, так как полностью зависят от градообразующих предприятий. Крупные промышленные города – Балхаш, Темиртау по численности населения не подпадают под категорию малых городов, однако включены в список моногородов благодаря их высокой зависимости от добычи и переработки сырья.

Именно это пересечение критериев – демографического и экономического стало причиной методологической путаницы при классификации городов региона в государственных программах.

В 2012 году была принята первая государственная программа по развитию моногородов. Так официально появился термин «моногорода». Это определение категории городов было закреплено в Постановлении Правительства Республики Казахстан «О государственной программе развития моногородов Республики Казахстан на 2012-2020 годы». [12]

В настоящее время в Карагандинской области три малых города – Каражал, Приозёрск, Каркаралинск; моногородов – четыре – Темиртау, Шахтинск, Абай, Балхаш.

В разные периоды для реабилитации промышленных городов были сформированы долгосрочные оздоровительные программы. Первые государственные инициативы затрагивали как малые города, так и моногорода, хотя самого понятия «моногород» еще не существовало. Так, в 1997 году в стратегическом курсе «Казахстан-2030» были сформулированы основные направления преодоления общереспубликанского кризиса. Малые города рассматривались как часть проблематики регионального развития и социальной сферы. Упор делался на региональную сбалансированность развития, повышение уровня жизни населения и укрепление инфраструктуры. [13]

В последующие два года были приняты: Программа занятости населения на 1998-2000 годы, призванная сократить уровень безработицы в малых городах; [14] программы по жилищному строительству и реформированию жилищно-коммунального хозяйства, направленные на обновление ветхого жилищного фонда и модернизацию коммунальной инфраструктуры. [14] В 1999 году была принята Государственная программа поддержки и развития малого предпринимательства в Республике Казахстан на 1999-2000 годы. [15]

В 2001 году была принята государственная программа, по социально-экономическому развитию малых городов. [16] В ней предусматривались меры по развитию инфраструктуры, водоснабжения, строительству и бизнеса. В программе упоминались и города Карагандинского региона: Балхаш, Шахтинск, Каражал, Сарғын. Однако нехватка финансирования ограничила реализацию этой программы на местах.

За период с 2001 по 2025 гг. в Республике Казахстан было реализовано несколько ключевых программ и инициатив, направленных на развитие малых городов. Среди них можно выделить основные:

- Дорожная карта занятости – 2020 (2010–2020 гг.) Эта программа была направлена на создание рабочих мест, модернизацию коммунальной и социальной инфраструктуры. В малых городах предусматривалось строительство больниц, дорог, школ. Реализация была кратковременной из-за прекращения финансирования. [17]

- Программа "Развитие регионов – 2020" Охватывала промышленные города региона: Балхаш, Темиртау, Жезказган и была призвана улучшить транспортную и инженерную инфраструктуру, стимулировать предпринимательство в городах. Вместе с тем, реализация мероприятий по этой программе — ориентировалась на поддержку моно- и малых городов, модернизацию инженерной и транспортной инфраструктуры, стимулирование предпринимательства. Однако, реализация программных мер была неравномерной. [18]

- Государственная программа индустриально-инновационного развития (ГПИИР, 2010–2019 гг.) была посвящена созданию новых производств. И, частично, затрагивала малые города. [19]

- Национальный проект "Сильные регионы — драйвер развития страны" (с 2021 г.) - это современная инициатива, акцентирующая внимание на комплексном развитии регионов, децентрализации, улучшении связи между агломерациями и малыми городами. Предусматривает меры по транспортной доступности, цифровизации и повышению инвестиционной привлекательности малых городов.[20]

Каждая из этих программ сопровождалась принятием нормативных документов, в том числе указов Президента, постановлений Правительства и стратегических планов развития.

Реализация государственных программ дала разносторонние результаты. В одних случаях наблюдалось улучшение социальной инфраструктуры и снижение уровня безработицы, в других - неэффективное освоение бюджетов и ограниченное вовлечение местных сообществ. Одним из наиболее устойчивых результатов стала модернизация объектов образования и здравоохранения, однако промышленная база малых городов в большинстве случаев так и не была обновлена.

В целом, эффективность программ можно оценить по успехам диверсификации экономики городов и стабилизации численности населения в них. Так, В Балхаше и Абае – демографическая стагнация; в Темиртау и Шахтинске – продолжается сокращение численности населения. И хотя в результате реализации программ произошла некоторая стабилизация социально-экономической ситуации, необходимо признать, что трудности сохраняются.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что необходимо долгосрочное планирование с учетом ресурсов и потенциала каждого отдельного города, привлечение инвестиций в несырьевые отрасли экономики: строительство, торговлю и сферу услуг, пищевую промышленность, транспорт, связь, образование, здравоохранение и т.д. при расширении полномочий местных исполнительных органов и участия в этом процессе населения городов.

Список использованной литературы

1. ЦГА РК. Ф. 698. Оп. 14. Д. 1170. Л. 29.
2. Об основных показателях Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 годов. - Алматы, 1996. – с. 33-36
3. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. по Казахской ССР. Миграция населения (Раздел 11). - Алма-Ата, 1990. – с. 13-19.
4. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. по Казахской ССР. Численность и размещение населения (раздел I). -Алма-Ата, 1990. – с. 46-49.
5. Взгляд, № 11 (29), 25 марта 1998 г.
6. Численность населения Карагандинской области по городам, посёлкам, районам и районным центрам на 1 января 1998 г. НСА РК, Караганда. 1999. – С. 1-2.; Численность и размещение населения в Республике Казахстан. /Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан/. Том 1. Статистический сборник. - Алматы,200.-с.
7. Индустриальная Караганда. 29 декабря 1998 г.
8. Социально-экономическое развитие Карагандинской области: статистические сборники за отдельные годы / Департамент статистики Карагандинской области. – Караганда: Бюро национальной статистики РК, 1999–2024.
9. Население и демография Казахстана: официальная статистика [Электронный ресурс] / Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. – Режим доступа: <https://stat.gov.kz> (дата обращения: 01.09.2025)
10. PopulationStat: данные по численности населения городов Казахстана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://populationstat.com> (дата обращения: 01.09.2025)
11. Города Карагандинской области [Электронный ресурс] // Wikipedia. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 01.09.2025).
12. Постановление Правительства Республики Казахстан от 25 мая 2012 года № 683 «О государственной программе развития моногородов Республики Казахстан на 2012–2020 годы» // Собрание актов Президента и Правительства РК. – 2012. – № 40. – Ст. 570.
13. Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана «Казахстан-2030. Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев». – Алматы, 1997. – 144 с.
14. Постановление Правительства Республики Казахстан от 27 января 1998 г. № 61 «О Программе занятости населения на 1998–2000 годы» // Казахстанская правда. – 1998. – 30 января.
15. Государственная программа поддержки и развития малого предпринимательства в Республике Казахстан на 1999–2000 годы: постановление Правительства РК от 18 июня 1999 г. № 789 // Казахстанская правда. – 1999. – 25 июня
16. Постановление Правительства РК от 22.05.2001 № 674 "О программе развития малых городов на 2001–2005 годы".
17. Государственная программа "Дорожная карта занятости – 2020". Утверждена постановлением Правительства РК от 31.03.2011 № 316.
18. Программа "Развитие регионов – 2020". Постановление Правительства РК от 28.06.2014 № 728
19. Государственная программа индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2015–2019 годы. Указ Президента РК от 01.08.2014 № 874
20. Национальный проект "Сильные регионы – драйвер развития страны". Утверждён постановлением Правительства РК от 12.10.2021 № 728.